

**АМБИСЕМИЯ ТЕРМИНА «ПОБЫВАЛЬЩИНА»
(НА ПРИМЕРЕ УСТНОЙ НЕСКАЗОЧНОЙ ПРОЗЫ
ЗАПАДНОСИБИРСКИХ СТАРОЖИЛЬЧЕСКИХ ГОВОРОВ)**

Аннотация. Настоящая статья исходит из того, что понятийный аппарат классической фольклористики в настоящее время нуждается в коррекции и дополнении. В первую очередь речь идёт о тех его понятиях, которые призваны учитывать связь между периодом создания произведений устного народного творчества, их развитием и функционированием в современном постиндустриальном обществе. Изучение устного народного творчества народов Сибири, имеющего давнюю традицию, осуществляется под руководством сибирской фольклористической школы. Её достижения в мировом научном сообществе общепризнаны, вместе с тем нельзя не отметить недостаточную изученность произведений западносибирского старожильского фольклора. Наличие «белых пятен» на фольклорной карте региона объясняется разными причинами, в числе которых – непростая административно-территориальная история современной Тюменской области. В статье представлен опыт освоения семантического объёма термина побывальщина в русской филологической науке и уточнена его конгруэнтность применительно к одноимённому прозаическому жанру, бытующему у носителей русских старожильческих говоров Тюменской области; обозначены языковые особенности и жанровое своеобразие побывальщины региона. Исследование основано на анализе, обобщении и систематизации современных достижений отечественной фольклористики, практике сбора, описания и картографирования диалектизмов русского языка в их синхронном состоянии.

Ключевые слова: термин «побывальщина»; языковые особенности побывальщины; жанровая специфика побывальщины; западносибирские старожильческие говоры; окказиональное значение термина.

Сведения об авторах: Щербина Сергей Иванович, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков Московского государственного технологического университета «Станкин»; ORCID 0000-0001-7869-8566; Скворцов Константин Викторович, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков Российского университета транспорта «РУТ-МИИТ»; ORCID 0000-0002-8772-0056.

Контактная информация: 127055, Россия, г. Москва, Вадковский переулок, д.1, ауд. 227; тел.: 8(499) 9729485; e-mail: qerbina@mail.ru; 127994, ГСП-4, г. Москва, ул. Образцова, д. 9, стр. 9; skv-kv@mail.ru.

S.I. Shcherbina, K.V. Skvortsov

**THE AMBISEMY OF TERM «POBYVALSHINA»
(USING THE EXAMPLE OF THE ORAL NON-NARRATIVE PROSE
OF WEST SIBERIAN OLD-TIMERS)**

Abstract. This article proceeds from the fact that the conceptual framework of classical folklore studies currently needs correction and addition. First of all, we are talking about those concepts that are designed to take into account the relationship between the period of creation of works of oral folk art, their development and functioning in modern post-industrial society. The study of the oral folk art of the peoples of Siberia, which has a long tradition, is carried out under the guidance of the Siberian folklore school. Its achievements are widely recognized in the global scientific community, but it is important to note that the works of the Western Siberian old-timer folklore have not been sufficiently studied. The presence of “white spots” on the region's folklore map can be attributed to various factors, including the complex administrative and territorial history of the modern Tyumen Region. The article presents the experience of mastering the semantic scope of the term pastoral in Russian philological science and clarifies its congruence in relation to the prose genre of the same name, which is common among speakers of Russian old-fashioned dialects of the Tyumen region; the linguistic features and genre originality of the pastoral region are outlined. The study is based on the analysis, generalization, and systematization of modern achievements in Russian folklore studies, as well as the practice of collecting, describing, and mapping the dialects of the Russian language in their synchronous state.

Keywords: the term “pobyvalshchina”, the linguistic features of the pobyvalshchina, the genre specifics of the pobyvalshchina, West Siberian old-timers, occasional meaning of the term.

About the authors: Shcherbina Sergei Ivanovith, Doctor of Philology, Professor of the Department of Foreign Languages, Moscow State Technological University “Stankin”; ORCID 0000-0001-7869-8566; Skvortsov Konstantin Viktorovith, Candidate of Pedagog Sciences, Associative Professor of the Department of Foreign Languages Department of Foreign Languages, Russian University of Transport (RUT); ORCID 0000-0002-8772-0056.

Contact information: 127055, Russia, Moscow, Vadkovsky Lane, 1, room 227; tel.: 8(499)9729485; e-mail: qerbina@mail.ru; 127994, GSP-4, Moscow, Obratsova Street, 9, Building 9; skv-kv@mail.ru.

В российской филологии *побывальщиной* изначально назывались устные рассказы, которые тесно связаны с былинной по содержанию и стилю, но утратили стихотворную структуру и напев. Ряд исследователей рассматривает побывальщину, не придавая ей статуса самостоятельности, в ряду жанров «быль», «бывальщина», «быличка», называя их разновидностями одного жанра («Побывальщина (также быль, бывальщина) – короткий устный рассказ о каком-либо невероятном случае или неординарной встрече, будто бы имевшей место в действительности» (Щербина 1999: 78); «Быличка – достоверный, с

народной точки зрения, устный рассказ о духах, хозяевах природных стихий и их контактах с человеком, независимо от его социальной, гендерной и возрастной принадлежности» (Блажес, Туров 2000: 134-135). Исследователь западносибирского старожильческого фольклора и особенностей говоров северных районов Тюменской области А.М. Кошкарёва замечает: «Наша сибирская побывальщина – это не передача содержания древних русских былин, это рассказ о событиях, имевших, по словам рассказчика, место в жизни; случаи, которые он якобы слышал от известного ему лица, который был участником или очевидцем события» (Кошкарёва 2010: 163). В этом определении понятия «побывальщина» актуализируется значение, закреплённое за термином Д.Н. Ушаковым: «Побывальщина – устный рассказ о действительно случившемся, пережитом» (Ушаков 1939: 163).

В качестве материала исследования использованы тексты, записанные в д. Антипино Тобольского района. Примечательно, что сама информант, Л.С. Абрамова, рассказанные истории называла «побывальщиной», подчёркивая этим, вероятно, интуитивно, не потенциально возможные события, а как уже свершившиеся, известные определённым лицам или на определённых территориях.

Случай на Шайтановской мельничке

На речке на Шайтанке, недалеко от Шайтановских юрт, стояла небольшая мельничка. Привозили сюда молоть зерно из соседних деревень и часто задерживались до поздней ночи, а то и на ночь приходилось остаться: мельница старая, жернова маленькие – медленно мелет. Падают вода на деревянные плицы, вертятся колёса, крутятся жернова – сыплется в ларь белая мука.

Как-то раз привез шайтановский мужичок зерно на муку размолоть да припозднился, не успел до ночи управиться. Не хотелось ему домой возвращаться с немолотым зерном, и решил он ночью на мельнице остаться. До утра, значит, зерно смолоть. Так и сделал: вертится колесо, гремят жернова, сыплется мука. Молол так, молол, вдруг в полночь остановилось колесо, замолкли жернова, только слышно, как вода шумит. «Что такое? – думает мужик. – Надо пойти посмотреть». Спустился вниз к огромному мельничному колесу и видит: сидит на колесе чёрный, зубы скалит. Струхнул мужик, стал татарскую молитву читать: «Смирла рах милла, рахмо. Смирла рах милла, рахмо». Лукавый говорит: «Я и так смиренно сижу». Татарин опять: «Смирла рах милла, рахмо...» – «Да смиренно я сижу», – говорит анчутка. Что делать мужику? Стал русские молитвы вспоминать, может, враг русской молитвы испугается, а вспомнить не может – не знает христианских молитв. На уме только обычай русских яйца на пасху красить. Вот он бормочет: «Русский бог Микола, красненько яичко...» Вдруг чёрный кулем в воду упал, только до самого верха водой плеснуло, завертелось колесо, зашумели жернова. Кое-как выполз мужик к жерновам, собрал муку, а тут и крестьяне стали подъезжать. Хочет им татарин рассказать, что с ним было, а с языка только: «Бултых – та и на вода ... бултых – та и на вода». Так до конца жизни больше ничего сказать не мог ни по-татарски, ни по-русски.

Захотел от бабы избавиться, да клад нашел

Лонись пахал мужик поле босиком. Пашет - пашет, вдруг ему что-то ногу укололо, как будто гвоздь какой в земле. Стал он этот гвоздь теревить, выкапывать – отдается что-то в земле, стучит. Разрыл мужик землю, видит: в яме ящик старинный, нашел клад, значит. Стал он его вытаскивать, а клад не даётся. «Приведу, – думает, – жену, увидит она ящик-то, а я её и спихну в ямку, клада не достану, зато от бабы избавлюсь». Побежал мужик за женой, привел её. «Давай, – говорит, – клад добывать будем, не могу один вытащить». Подошли они к яме. Мужик и толкнул жену-то туда, а она схватилась за него, только платок с головы лахудры упал в яму. Теперь что делать? Стали они вместе ящик тянуть, да и вытащили. Серебра, поди, с пуд будет, и пошли они, радёшеньки, домой.

Пошутковать удумал

Шёл ночью подгулявший мужик домой короткой дорогой, через кладбище, да и в темноте от тропинки-то и отшатился. Угодил в старую могилу, вырытую кем-то давно и заброшенную, то ли место не понравилось, то ли лучше нашли. Испугался мужик, хмель сразу из головы вышибло, а когда опомнился, ещё больше в страх кинуло: светятся рядом вроде бы две точки, протянул руку: шерсть, рога. Давай молитвы читать. Читал, что вспомнил, протянул руку: рога, шерсть. Не черт, значит, успокоился мужик: видно, козел раньше него в яму угодил. Сидели вдвоем до свету. Утром слышит: вроде кто-то на телеге едет. Стал подавать мужик голос, а на телеге старик со старухой, по траву поехали, перепугались. Кричит, крестится старуха: «Поворачивай, старик. Нечистая сила!» Старик-то посмелее. «Побожись, – говорит, – что человек ты». Мужик божится, крестится. Бросил ему старик верёвку в яму, а мужик-то и удумал пошутковать: взял да и привязал сначала козла. Как увидела старуха козлиную голову над ямой, так памяти и лишилась, а старик понуждает лошадь, крестится да понукает, крестится да понукает.

Проходили по дороге бабы, вытащили и мужика, и козла.

Играть научился, да ноженьки лишился

Теперь на деревне гармонисты не те. Был у нас Ваньша Ахумов, будто сила нечистая в его гармони сидела – хоть плясать, хоть плакать заставит. Бывало, идёт по улице, деревяшкой постукивает, мехи во весь разворот, пальцы так и летают по пуговкам – сама гармонь идет и поет.

Сказывают, и ноги через эту гармонь лишился, страсть, как играть научиться хотел: гармонь купил, а не идет игра, пальцы не слушаются.

Посоветовали ему старики: «Если хочешь научиться играть, пойдешь в полночь в баню со своей гармошкой».

Так и сделал. Сидит в бане в полночь, на пуговицы нажимает, а у самого мурашки по коже от страха. Вдруг открывается дверь, заходит сам. Вроде мужчина, а ноги с копытами и хвост сзади. «Не так, парень, играешь», – сказал и руки ему по-своему поставил. Костность с пальцев как рукой сняло, играл до петухов, душа радовалась. Три

ночи ходил Ваньша музыке обучаться. К концу третьей ночи речь о расчете зашла. «Что хочешь проси, все сделаю», – говорит Ваньша. А тот смеется: «Ничего мне не нужно, все у меня есть, вот разве только пнешь меня изо всей силы коленкой». Сказал и прислонился к печке. Ваньша отнекивается, почернел хозяин, а Ваньшу в озноб бросило от страха. Размахнулся он, зажмурил глаза, да и пнул хозяина со всей силы: огненные брызги из глаз посыпались, ожгло ногу. Разлепил глаза – никого нет. Об печку ногу себе расшиб. Отрезали парню ногу, а играть-то играл, лучшие него во всей округе гармониста не было.

Как мужик счастье не уберег

Шел как-то раз мужик с покоса домой урманом. Ничего не замечал, а как на дорогу вышел, к нему старичок-от припарился¹. «Давай, – говорит, – обменяемся сапогами». Удивился мужик: «Как это сапогами меняться, у меня сапоги удобные, привычный я к ним». Старичок не отстает: давай сменяемся, да и только. Уж до крыльца дошли, старик все свои сапоги расхваливает. И правда, сапоги у него хорошие, с длинными голенищами, а у мужика такие коротенькие сапожки.

Ну что, думает мужик, теперь дома, сменяю, раз так просит. Снял сапоги и отдал старику. Тот взял сапоги, свои в обмен в угол поставил, и только дверь хлопнула. Глянул мужик в угол, а там стоят два куска бересты в круговую с березы снятые.

Смекнул тут мужик, что не простой старичок был и неспроста сапоги выменял. А дело было в ночь на Ильин день, когда, сказывают, напоротник цветет. Видно, зацепил мужик голенищем такой цветок в темноте, да и сорвал, не зная о том. Не захотел лесной хозяин с волшебным цветком расстаться, вот и отнял мужиково счастье вместе с сапогами.

Как солдатку клад достался

Шёл один солдат с мировой домой в Самарово через нашу деревню, пришёл к вечеру, пароход в евоно село неизвестно, когда будет, стал он проситься ночевать, а никто его не пускает. Время голодное, да и в домах одни женщины, дети да старики. Посоветовал ему дедко из Лютых, что в аккурат, напротив, в пятистенке жили, на заимку пойти, там дом пустой, никто в нем не живёт. «Если не боишься, – добавил, – чудится там». Ну, и дорогу показал.

Зашёл солдат в дом, шаньгу заглотнул, устроился на лавке, только засыпать стал, вдруг слышит голос: «Упаду-у, упа-ду-у». Сел солдат, посидел-посидел, тихо. Только устроился на боку, начал дремать, опять: «Упаду - у, да и так упа-ду – у». Терпел - терпел солдатко, разозлился да как гаркнет: «Падай!» Да словцо соленое какое-то добавил. Вдруг что-то как плюхнется на пол, и все затихло. Проснулся солдат, солнце в щели пробивается, а на полу – грудa серебра. Видно, клад выходил, покоя людям не давал, вот солдатку и достался.

¹ Припарился — стал напарником в дороге.

Результаты исследования

Языковой каркас побывальщины как жанра устного творчества составляет разговорная лексика, которая не нарушает общепринятых норм литературной речи, однако характеризуется известной свободой и непринужденностью в употреблении. Слова разговорного стиля сообщают речи большую живость и экспрессивность. Это наиболее ярко проявляется в тех случаях, когда вместо вялого оборота («Вдруг что-то упало на пол, и все затихло») употребляется ёмкое по значению слово («Вдруг что-то как плюхнется на пол, и всё затихло»), которое, помимо обозначаемого понятия «упасть», включает в себе оценку «упало нечто тяжелое».

В целях сниженной, грубоватой характеристики явлений и предметов реальной действительности используется в побывальщине и просторечная лексика: «бабы», «пнуть», «струхнуть», «мужик».

Экспрессию народно-разговорной речи, непосредственность модальной оценки вносят в побывальщину и диалектизмы. Диалектизмы, являясь средством художественной выразительности, указывают на регион, где была создана или бытует побывальщина. При этом диалектизмы отмечаются на всех языковых уровнях.

Фонетические особенности:

1) еканье – совпадение звуков [е], [о], [а] в безударном положении после мягких согласных в звуке [’э]: к вéчеру [кʷв’эч’еру], чéрез [ч’эрес] – *Уват*;

2) полное оканье, т.е. различие [а] и [о] в безударной позиции: [шол од'ун солдát сэм'ирово́й фсáмáрово ч'эр'ес нáшу д'ер'эвн'у] – *Уватский район*;

3) соответствие долгого твёрдого звука [ш] долгому мягкому звуку [ш']: [разрыл мужык з'эмл'у | в'ид'ит | в'я́м'е я́шшык стар'у́ны] – *Уватский район*.

Морфологические особенности:

1) склонение существительных м.р. с суффиксами *-ушк-, -юшк-, -ишк-, -к-* по типу существительных среднего рода (*яблоко – яблока; солдатко – солдатка*): [посов’этовал јему д’этко изл’утих ...] – *Уватский район*;

2) регулярное употребление постпозитивной частицы *-то* в разных вариантах (*-от*, *-та*, *-ту*): [н'ич'евó н'езам'ечáл | а́кка́ннадо́ро́гу вы́шгъл | кн'ему́ стар'ич'о́ккот пр'ипа́рлс'ь] – *Тобольский район*;

3) повсеместная утрата интервокального йота [j] и образование стяжённых форм прилагательных, местоимений, порядковых числительных и глаголов [с'идѹт вѹбане флѹпѹлнѹч' | напѹгѹфк' и нажымѹт | аѹлѹсамѹвѹ мурашк' и полѹкожѹ отѹстраха||] – *Тобольский район*;

Из лексических особенностей отметим такие, как:

1) этнографизмы: *шаньга* – «ватрушка»;

2) собственно лексические диалектизмы: *отишатиться* – «удалиться, отшатнуться», *лонись* – «в прошлом году», *чудиться* – «представляться, мерещиться, видеться, казаться, мниться», *плица* – «полка мельничного колеса, в которую бьет вода»; *лахудра* – «неопрятная женщина»;

3) сибиризмы (слова, заимствованные из языков коренного населения Обь-Иртышского междуречья: татар, ханты, манси, ненцев): *урман* (финно-угр.) – «большой массив леса», «тайга».

В числе особенностей побывальщины следует отметить и такую, как употребление слов – эвфемизмов. Например, «черный», «сам», «анчутка», «враг» – слова, заменяющие табуированное слово «чёрт». Запрет на употребление этого слова связан с народным представлением о способности «нечистой силы» вмешиваться в жизнь людей, «вводя их в грех». В качестве эвфемизмов используются слова, характеризующие «злого духа» на основе христианских представлений.

Малособытийность сюжета побывальщины, её лаконично-краткое содержание ощущается и в построении фраз. Чередование коротких, часто синтаксически однородных предложений, образует чёткий ритмический рисунок, в котором местами явно чувствуется тяготение к интонационно-синтаксическим параллелизмам: «Разрыл мужик землю, видит: в яме ящик старинный, нашел клад, значит». Важную роль в передаче стремительно развивающихся событий в подобных конструкциях приобретают глаголы – сказуемые, получающие логическое ударение и занимающие в связи с этим фиксированное место в конструкциях: «Стал подавать мужик голос. Кричит, крестится старуха».

В качестве основных выразительных средств побывальщины выступают уменьшительные формы слов, повторы и паронимазия. Все они подчинены единой цели: созданию эмоциональной (одобрительной или отрицательной) характеристике событий или действующих лиц. Уменьшительная форма слов («мельничка», «мужичок», «старичок», «женка») способны не только характеризовать предмет или субъект действия, но и вызывать определенный эмоциональный настрой у слушателя, при этом экспрессивное направление включает самый разнообразный спектр чувств – от ласкательного, уменьшительного до иронического и даже уничижительного.

Повторы («посидел – посидел»; «черный – черный») усиливают семантику слова, в данных случаях действие и признак предмета. Обычно сказителем фигура повторения употребляется тогда, когда явлению приписывается дополнительная смысловая акцентуация.

Паронимазия («Только устроился на боку, задремал. Опять: «Упаду-у да упаду-у»; «Бултых – та и на вода») придает фразе образность при сопоставлении случайно созвучных слов, способствует возможности установить их смысловые или семантические ассоциации, намекнуть на них.

Тематика побывальщин региона достаточно разнообразна: в первом приближении они классифицируются на бытовые побывальщины, связанные с промыслами, и побывальщины, в которых присутствуют мифологические персонажи и сюжеты. Однако нельзя не заметить, что сюжет не всех побывальщин включает встречу персонажа с ирреальным существом, поэтому зачастую нельзя провести строгую границу между циклами. Репертуарные элементы одного цикла могут органически встраиваться в сюжетную канву другого – их выбор находится в прямой зависимости от сложившегося в конкретной местности хозяйственно-бытового уклада, общекультурного ценза, мифологических суеверий и поверий, связанных с

отношением человека к природе. Это подтверждают и изыскания в области фольклорной сказки А.В. Себелевой и С.А. Симоновой (Себелева, Симонова 2024: 71-86).

Жанровая специфика побывальщины обусловлена прежде всего особенностями её содержания. Содержание побывальщины, вне зависимости от того, к какому циклу она относится, строится на авантюрном сюжете, основанном на смене всевозможных невероятных приключений из бытовой жизни, семейных отношений, которые раскрываются в подчёркнуто правдоподобной форме. Несмотря на преобладающий бытовой характер побывальщин, во многих из них встречаются и фантастические черты, например, встреча обывателя с нечистой силой, элементы волшебства. Подобные элементы сказочности, обыкновенно очень беглые, необходимы для самого повествования. В свою очередь бытовой элемент, развиваясь за счёт фантастического составляющего, остаётся преобладающим в жанре. В частности, «плач клада» в побывальщине «Как солдатку клад достался» является вставным эпизодом, центр всего повествования сосредоточен на изображении солдата, в котором угадываются черты характера и нормы поведения, традиционно приписываемые русским народным сознанием служивому человеку: сила духа, сноровка, неприхотливость к быту.

Мифологические символы и обряды в раскрытии сюжетной канвы побывальщины играют вспомогательную, разъяснительную роль, но они требуют у слушателя наличия определённых фоновых знаний. Так, например, с началом мифологизированной исторической традиции связывается сюжет о мужике, который сам того не ведая, отдал свою удачу «лесному хозяину». Чтобы понять, почему он «мужиково» счастье вместе с сапогами отнял, нужно знать легенду о магических свойствах папоротника.

Согласно народным преданиям и верованиям, человек, которому удалось раздобыть распускающийся накануне Ильина или Петрова дня красный цветок папоротника, становится удачливым, приобретает способность становиться невидимым, с его помощью человек может добыть богатство² (Забылин 2003: 439). Цветок папоротника не даётся в руки человеку, его трудно найти и увидеть, но еще труднее сорвать и удержать у себя – злые силы противодействуют этому. Впрочем, заполучить цветок папоротника можно было и случайно, не зная об этом. Однако и в этом случае цветок не достанется человеку: всегда найдутся силы (в конкретном случае «лесной хозяин» в образе старика), которые будут препятствовать тому, чтобы обыватель приобрёл магические знания.

Побывальщина отличается от прочих эпических жанров не только по своему содержанию, но и по назначению. Если назначение сказки заключено главным образом в

² День памяти Ильи-пророка приходится на 2 августа (20 июля по старому стилю). В Сибири к этому сроку оканчивался сенокос, и начиналась жатва: «Илья-пророк – косье срок», «Илья жниво зачинает». С этого дня нельзя было купаться в открытых водоёмах, потому что в воду обмакнул рог олень или конь Ильи-пророка, а сам Илья кинул в воду кусочек льда. День святых апостолов Петра и Павла православная церковь отмечает 29 июня (12 июля). В народной традиции — Петров день. К нему готовили основные орудия труда, используемые в новом сезоне. Петров день снимал запрет на вкушение мяса и плодов, строго соблюдаемый в течение весеннего периода. Например, в Сибири именно с этого времени было разрешено «брать» землянику и колоть баранов, или, как говорили крестьяне: «С Петрова дня барашкам лоб».

том, чтобы развлечь слушателя, былины – передать пафос возвышенного, рассказать о чем-то очень существенном или героическом, то побывальщина призвана, прежде всего, к научению слушателя, передаче некоего руководства к действию в повседневной жизни. Разумеется, дидактический элемент присущ любому жанру устного народного творчества, но в побывальщине он играет преобладающую роль. Замечательно иллюстрирует эту особенность жанра нравственная квинтэссенция побывальщины «Пошутковать удумал». Всему есть место в жизни: тяжелой работе и разудалому отдыху, мудрствованию и словоблудию – главное, чтобы все это органически сливалось с бытовой и коммуникативной ситуацией, было бы ко времени и месту. Несмотря на назидательный тон побывальщины, её поучение проникнуто светлым оптимизмом, свойственным народному созерцанию вообще.

Форма и приёмы повествования побывальщины однообразны. Наиболее яркой рефлексией побывальщины является указание на время, место или – реже – субъект действия. Если, положим, в сказке, быличке эти категории всегда обозначаются крайне неопределённо («в некотором царстве, в некотором государстве»; «за тридевять земель»; «жили-были когда-то»; «давным-давно, так что никто не помнит», «как-то раз», «неподалёку отсюда ... »), то в побывальщине они очерчиваются конкретно, придавая сюжету достоверность жизненного факта («На речке Шайтанке, недалеко от Шайтановских юрт, стояла небольшая мельничка»; «Был у нас Ваньша Ахумов ... »; «Шел один солдат с мировой домой в Самарово через нашу деревню ...»).

Рассказ в побывальщине ведётся просто, коротко, без отвлекающих внимание подробностей. В этом плане показательна побывальщина «Захотел от бабы избавиться, да клад нашел». В ней все повествование от начала до конца находится в непрерывном развитии действия, она лишена традиционной характеристики супругов, мотивации, по какой причине муж захотел избавиться от жены, здесь нет ни одного лишнего эпизода, традиционных прибауток и отступлений вне связи с основным действием.

Очевидно, что западносибирская старожильская побывальщина, не обладая жёсткими жанровыми канонами и демонстрируя, зачастую, зависимость от ситуации общения, обнаруживает признаки других форм устной прозы. В первую очередь речь идёт о точках соприкосновения побывальщин, быличек и бывальщин, а именно: повествование о неординарном или сверхъестественном эпизоде, максимальное обеспечение достоверности излагаемых событий, использование стандартного набора мифологических образов, апелляция содержания не к традиции, а к событиям из жизни рассказчика или знакомых, временная приуроченность к настоящему или недавнему прошлому, этиологический финал: вывод морального толка, объяснение удач или, наоборот, неудач.

Вместе с тем западносибирская побывальщина демонстрирует черты и жанровой специфики. Побывальщина далеко не всегда заканчивается, в отличие от быличек, трагически. В то время, как побывальщина только сообщает о событиях, имевших место в чьей-то жизни, бывальщина и быличка не только их констатируют, но и транслируют потенциальную возможность повториться снова, например, в жизни слушателей. В отличие от побывальщины быличка и бывальщина не комментируют описываемую реалию, а лишь

сообщают об имевшем место сверхъестественном случае. Если бывальщина представляет развёрнутый рассказ с достаточно подробной характеристикой демонологических существ, действия которых могут усложняться и приобретать психологическую мотивировку, то побывальщина демонстрирует тенденцию превращаться в развлекательный или смешной рассказ, в котором суеверные представления разоблачаются, а их первоначальная функция устрашения утрачивается.

Обсуждение и заключения

Краткий анализ текстов показал, что для старожильской западносибирской побывальщины характерны традиции, свойственные разным жанрам устно-прозаического повествования.

Побывальщина как произведение устного народного творчества, не будучи объёмным по своему формату и однородным по своей природе, стремится к идейно-художественному единству, которое проявляется в разных его элементах.

Отсутствие достаточно обоснованного определения побывальщины объясняется её генетической связью, а зачастую и наличием переходных форм, с другими жанрами. Эти факты стали причиной появления разных определений термина, классификаций и жанровой соотнесённости прозаических произведений, обозначенных термином «побывальщина».

Смысловое дистанцирование термина *побывальщина* от хрестоматийного значения представляет случай не только его окказионального употребления, но и преднамеренного стремления обособить конкретную форму несказочной прозы, распространённой на территории Западной Сибири, от смежных жанров – бывальщины и быличек. Окказиональное употребление термина допустимо в качестве рабочего. Поиск в этом случае конвенционального средства выражения, не вступающего в противоречие с принятым в науке понятийным статусом термина «побывальщина», должен осуществляться с учётом широты тематического спектра всех форм устной прозы несказочных жанров.

ЛИТЕРАТУРА

Блажес В.В., Туров С.В. Быличка // Югория. Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Т. I. Ханты-Мансийск, 2000. С. 134-135.

Забылин М. Русский народ. Его обычаи, предания, обряды. М.: ЭКСМО, 2003. 606 с.

Кошкарёва А.М. Очерки сибирской словесности. Нижневартовск: НГГУ, 2010. 182 с.

Себелева А.В., Симонова С.А. История и эволюция жанра сказки сквозь призму отражения мира народа // Нижневартовский филологический вестник. 2024. № 2. С. 71-86. doi.org/10.36906/2500-1795/24-2/06 EDN: LYYBRF.

Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. Т. III: П – РЯШКА. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1939. 714 с.

Щербина С.И. Художественные особенности побывальщины Тобольского края // Западная Сибирь: история и современность. Краеведческие записки. Нижневартовск: НГПИ, 1999. С. 78-81.

© Щербина С.И., Скворцов К.В.